

96. Второе письмо изгнанников с Ангары. (Весна 1928 г.)¹

Боголюбивейший и дорогой собрат². Так как я не имею возможности лично с Вами побеседовать, то доставлю себе удовольствие это настоящим письмом. Конечно, моя речь будет о текущих церковных событиях. Много печального происходит в наши дни. Особенно печально то, что наши первоиерархи ведут Российскую Церковь к потере свободы и к рабской зависимости, и все это делается так хитро и тонко, что пока их “деяния” нельзя подвести ни под какие каноны. Ни для кого уже не секрет, что наши архиереи назначаются не м. Сергием и патриарш. Синодом, а кем-то иным. Не секрет и то, что все многочисленные перемещения архиереев (вопреки канонам), сделаны не для пользы Церкви, а по указке кого-то слева. Разве нам не известно, что назначенный Москвой архиерей, по приезде своем на место служения, должен явиться к местным “вершителям церковных судеб”, у них выдержать нечто вроде экзамена, и только после этого легализуется епископ? Мне известны случаи, когда епископы, присланные Москвой с соответствующими бумагами, все-таки не были допущены к управлению своими епархиями; те же, кои допущены, – имеют ли они право свободного об’езда своих епархий? Не спрашивают ли они на каждую поездку разрешения и не дают ли они отчета

Обращение къ православнымъ.

Такъ какъ я не имѣю возможности лично бесѣдовать съ вами, то доставляю себѣ удовольствіе это настоящимъ письмомъ. Конечно, моя рѣчь будетъ о текущихъ церковныхъ событіяхъ. Много печальнаго происходитъ въ наши дни. Особенно печально то, что наши первоіерархи ведутъ Россійскую Церковь къ потерѣ свободы и къ рабской зависимости, и все это дѣлается такъ хитро и тонко, что пока ихъ “ДѢЯНІЯ” нельзя подвести ни подъ какіе каноны. Ни для кого уже не секретъ, что наши архіереи назначаются не Мимр. Сергіемъ и “Патр. Синодомъ”, а къмъ то инымъ. Не секретъ и то, что всѣ многочисленные перемѣшенія архіереевъ (вопреки канонамъ) сдѣланы не для пользы Церкви, а по указкѣ кого то слева. Развѣ намъ неизвѣстно, что и назначенный Москвой Архіерей, по пріѣздѣ своемъ на мѣсто служенія, долженъ явиться къ мѣстнымъ “вершителямъ судебъ церковныхъ”, у нихъ выдержатъ нѣчто, вродѣ экзамена, и только послѣ этого легализуется епископъ. Мнѣ извѣстны случаи, когда епископы, присланные Москвой съ соотвѣтствующими бумагами, все таки не были допущены къ управленію своими епархіями; тѣ же, кои и допущены, – имѣютъ ли они право свободнаго об’ѣзда своихъ епархіи? Не испрашиваютъ ли они на каждую поѣздку разрѣшенія и не отдають ли они отчета въ своей дѣятельности и органамъ гражданской власти? А какъ прохо-

в своей деятельности органам гражданской власти? А как проходят теперь назначения епископами епархиальных управлений и от.от. благочинных? Свободны ли в этой области епископы? Не получают ли они указаний, а то и приказаний, кого назначать и кого увольнять?.. Хотя этих и подобных им многих “деяний” нельзя подвести ни под какие каноны, но от такой “легализации” веет ужасом. Говорили мне, что будто бы член Синода архиеп. Филипп (Гумилевский) сказал: “мы будем делать всевозможные уступки, но когда дело коснется веры, тогда ничего не уступим”. Но так ли говорили и поступали святые? Не умирали ли святители за свободу Церкви, за ее священные предания, уставы, даже священные книги и сосуды...

Что же касается поминовения за богослужением власти, то это “деяние” м. Сергия и не нарушает какого-либо церковного правила, но оно осуждается голосом христианской совести. Как возношение в ектениях имени своего епископа, так и поминовение власти, есть нечто иное, нежели молитвы за них. Если мы за богослужением поминаем своего епископа, то этим выражаем свое подчинение ему; иначе разрешалось бы, наряду со своим епископом, возносить имена и других епископов иноепархиальных; однако это нигде не делается; для желающих молиться об иноепархиальных епископах имеется прошение: “о милости, жизни, мире и здравии”. Подобно сему наша

дять теперь назначения епископам епархиальных управлений и о.о. благочинных? И свободны ли в этой области епископы? Не получают ли они указаний, а то и приказаний, кого назначать и кого увольнять?.. Хотя этих и подобных им многих “дѣяній” нельзя подвести ни подъ какіе каноны, но отъ такой “легализаціи” вѣетъ ужасомъ. Говорили мнѣ, что будто бы членъ синода Арх. Филиппъ (Гумилевскій) сказалъ: “мы будемъ дѣлать всѣ возможныя уступки, но когда дѣло коснется вѣры, тогда ничего не уступимъ”. Но такъ ли говорили и поступали святые? Не умирали ли святители за свободу Церкви, за Ея священные преданія, уставы, даже за священные книги и сосуды?..

Что касается поминовения за богослужениемъ власти, то, хотя это “дѣяніе” М. Сергія и не нарушаетъ какого либо церковнаго правила, но оно осуждается голосомъ христіанской совѣсти. Какъ возношеніе въ ектеніяхъ имени своего епископа, такъ и поминовеніе власти есть нѣчто иное нежели молитвы за нихъ. Если мы за богослуженіемъ поминаемъ своего епископа, то этимъ выражаемъ свое подчиненіе ему; иначе разрѣшалось бы, на ряду со своимъ епископомъ, возносить имена и другихъ епископовъ иноепархиальныхъ; однако это нигдѣ не дѣлается; для желающихъ молиться объ иноепархиальныхъ епископахъ имѣется прошеніе: “о милости, жизни, мирѣ, здравіи...”. Подобно сему, наша Россійская Церковь до революціи возношеніемъ за богослуженіемъ имени императора, выражала не свои молитвы о немъ, а,

Российская Церковь, до революции, возношением за богослужением имени императора выражала не свои молитвы о нем, а вернее всего свою зависимость от него, как от блюстителя ее интересов и до некоторой степени главы ее... Каково же настоящее отношение православной церкви к сов. власти, чтобы помянуть её за богослужением? Если мне возразят, что Христос заповедал молиться о врагах и гонителях, то я отвечаю: пусть нам укажут МОЛИТВУ о власти, а они пользуются для этого прежней формулой возношения. Притом для меня не понятно, как быть со следующим за сим прошением: "о пособити и покорити под нозе его всякого врага и супостата"? Ведь оно ни кем доселе не отменено... Быть может и его читать? И тогда о чем мы молим и против кого направляем свои прошения?..

Удивления достойно то обстоятельство, что молиться о властях заставляют нас тогда, когда этого моления не желают ни сама власть, ни верующие. Почему же так ратуют о сем наши архипастыри? Не думаем, чтобы от них требовала этого сов. власть, ибо безбожникам не нужна и молитва; что же касается духовенства и народа, то у них предполагаемое поминовение за богослужением сов. власти вызывает одно только негодование и возмущение. Быть может, наши первоиерархи пришли к убеждению в необходимости молиться о власти, тогда пусть они возьмут на себя труд составить такие прошения, которые были

вѣрнѣ всего, свою зависимость отъ него, какъ отъ блюстителя ея интересовъ и до нѣкоторой степени главы ея... Каково же настоящее отношеніе Православной Церкви къ Советской власти, чтобы помянуть ея за богослуженіемъ?.. Если мнѣ возразятъ, что Христосъ заповѣдалъ молиться о врагахъ и гонителяхъ, то на это отвѣчу: пусть намъ укажутъ МОЛИТВУ о власти, а не пользуются для этаго прежней формулой возношенія. Притомъ для меня непонятно, какъ быть со слѣдующимъ за симъ прошеніемъ: "о пособити и покорити подъ нози его всякаго врага и супостата"? вѣдь оно ни къмъ доселе не отмѣнено?.. Быть можетъ и его читать? Но тогда о чемъ мы молимъ и противъ кого направляемъ свои прошенія?..

- Удивленія достойно то обстоятельство, что молиться о властяхъ насъ заставляютъ тогда, когда этого моленія не желаетъ ни сама власть, ни вѣрующіе. Почему же такъ ратуютъ о семъ наши архипастыри? Не думаемъ, чтобы отъ нихъ требовала того Соввласть, ибо безбожникамъ не нужны и молитвы; что же касается духовенства и народа, то у нихъ предполагаемое поминовеніе за богослуженіемъ Соввласти вызываетъ одно только негодованіе и возмущеніе. Быть можетъ наши первоиерархи пришли къ убѣжденію, въ необходимости молиться о власти; тогда пусть они возьмутъ на себя трудъ составить такие прошенія, которыя были бы пріемлемы вѣрующими и въ устахъ ихъ были бы дѣйствительно молитвами; такъ напрымѣръ: "еще молимся:

бы приемлемы верующими и в устах их были бы действительно молитвами; как, например; еще молимся: о еже во власти сущих, да Господь Бог избавит их от всех бесовских навождений, приведет к покаянию, исправлению, возглаголет в сердцах их мир и благое о Церкви Своей святей...

– Итак положение Церкви тяжелое. Но как быть нам? Можем ли подчиняться тем первоиерархам, которые стали на опасный путь, ведущий Церковь Христову к новым великим страданиям? Прежде всего, нужно хорошо уяснить себе то обстоятельство, что для Церкви Христовой не может быть большего зла, как раскол. Никакие гонения и насилия не могут нанести Церкви такой раны, как раскол. Раскол – это вечно ноющая, вечно мучающая Церковь рана. И горе тому, кто ее нанесет телу Христову. Не даром св. Отцы говорили, что грех раскола не смывается даже мученической кровью. Посему на церковный раскол с душевной болью, можно идти тогда только, когда испробованы все другие пути и средства спасения верующих. И так мы ни в коем случае не можем чинить раскола. Мы должны стоять на страже чистого православия и прилагать всевозможные меры любви и обращения к совести тех, кто сознательно или бессознательно ведет Российскую Церковь к новому расколу. Мы не совершим раскола, но если увидим, что нашими первоиерархами нарушается и попирается самый дух православия; “легализованная

о еже во власти сущихъ, да Господь Богъ избавитъ ихъ отъ всѣхъ бѣсовскихъ навожденій, приведетъ къ покаянію, исправленію, возглаголетъ въ сердцахъ ихъ миръ и благое о Церкви Своей святей...”

– И такъ положеніе Церкви тяжелое. Но какъ быть намъ? Можемъ ли мы подчиняться тѣмъ первоиерархамъ, которые стали на опасный путь, ведущій Церковь Христову къ новымъ великимъ страданіямъ? Прежде всего нужно хорошо уяснить себѣ то обстоятельство, что для Церкви Христовой не можетъ быть большаго зла, какъ расколъ. Никакіе гоненія и насилія не могутъ нанести Церкви такой раны, какъ расколъ. Расколъ – это вечно ноющая, вечно мучающая Церковь рана. И горе тому, кто ее нанесетъ Тѣлу Христову. Не даромъ св. Отцы говорили, что грѣхъ раскола не смывается даже мученическою кровью. Посему на церковный расколъ с душевной болью можно идти тогда только, когда испробованы уже всѣ иные пути и средства спасенія вѣрующихъ.

И такъ мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ чинить раскола. Мы должны стоять на стражѣ чистаго Православія и прилагать всѣ возможныя мѣры любви и обращенія къ совѣсти тѣхъ, кто сознательно или бессознательно ведутъ Россійскую Церковь къ новому расколу. Мы не совершимъ раскола, но если увидимъ и уже видимъ и свидѣтельствуемъ, что нашими первоиерархами нарушается и попирается самый духъ Православія; “легализованная Церковь” превращается въ одинъ изъ отдѣловъ “СОЧИ”

Церковь” превращается в один из отделов “СОЧИ” (секретно особая часть при ГПУ); пастыри связываются неприемлемыми их совестью требованиями – тогда с сердцем, облитым кровью и слезами, мы должны встать на защиту истины и сказать: “Архипастыри и пастыри. Мы отходим от вас, ибо вы уже отошли от правды Божией, вы создали новые направления в Церкви Божией. От этого нового направления – от этого раскола мы уходим. Грех же раскола лежит на вас”.

– Но вы спросите: как же все это можно провести на деле? Кто должен взять на себя почин? Может ли это сделать каждый христианин? Когда и кто правомочен об”явить верующим, что час разрыва с первоиерархом наступил? Осуждать еретиков и раскольников правомочна одна только Церковь (“если Церковь преслушает, да будет же тебе, яко язычник и мытарь” – Мф. 18, 17). Выразителем же воли церковной является собор.

Но как быть в то время, когда собору нельзя собраться? Тогда суждения по поводу того или иного церковного явления произносят епископы. Их же суждения не есть ещё окончательный приговор, но есть авторитетнейший голос в Церкви; они являются стражами Церкви, и ими в междусоборный период управляется Христова Церковь. Следовательно, и в настоящем деле, почин и решение принадлежит епископату.

– Но как это можно провести? – Епископы, ввиду нарушения

(секретно особая часть при Г. П. У.); пастыри связываются неприемлемыми их совестью требованиями – тогда с сердцем, облитым кровью и слезами, мы должны встать на защиту истины и сказать: “Архипастыри и пастыри: мы отходим отъ васъ, ибо вы уже отошли отъ правды Божіей, вы создали новое направленіе в Церкви Божіей. Отъ этаго новаго направленія - отъ этаго раскола, мы и уходим. Грѣхъ же раскола лежитъ на васъ”.

Но вы спросите: какъ же все это можно провести на дѣль? Кто долженъ взять на себя починъ? Можетъ ли это сдѣлать каждый христіанинъ? Когда и кто правомоченъ объявить вѣрующимъ, что насталь часъ разрыва съ первоіерархомъ? Осуждать еретиковъ правомочна одна только Церковь. “если Церковь преслушаетъ, да будетъ же тебѣ яко язычникъ и мытарь” Мф. 18, 17. Выразителемъ же воли церковной является Соборъ.

Но какъ быть въ то время, когда Собору нельзя собраться? - Тогда сужденіе по поводу того или иного церковнаго явленія произносятъ епископы. Ихъ же сужденія не есть еще окончательный приговоръ, но есть авторитетнѣйшій голосъ въ Церкви; они являются стражами Церкви и ими в междусоборный періодъ управляется Христова Церковь. Слѣдовательно и въ настоящемъ дѣль, починъ и рѣшеніе принадлежатъ епископату.

- Но какъ это можно провести? - Епископы, видя нарушеніе духа и буквы канонѡвъ, въ одиночку или группами, должны посылать свои протесты митр. Сергію, моля его

духа и буквы канонов, в одиночку и группами должны посылать свои протесты м. Сергию, моля его свернуть с неправого пути. Если эти протесты не возымут действия, тогда они, согласясь между собой (можно и через посредство переписки), сообщают м. Сергию, что они отселе уже не считают его заместителем Патриаршего Местоблюстителя, осуждают взятое им церковное направление и отделяются от него. То же объявляется и всем верующим. С этого момента совесть духовенства и верующих становится свободной от всякого рода действий (приказаний, запрещений) м. Сергия и состоящего при нем синода. Отошедшая же от м. Сергия православная Церковь может управляться или одним из старейших иерархов или, как это было во время заключения патриарха Тихона, каждая епархия – своим архипастырем.

– Какую же роль во всем этом несут священники и верующий народ? Судить и запрещать архипастырей они не могут; не могут они также без епископов отходить от епископата. Но это не значит, что они должны бездействовать. Как воины совместно с вождем, так и они совместно с епископами должны бороться за истину и ее защищать. Как разведчики на войне не дают покоя своим начальникам, но приходя с различных мест разведки сообщают им об опасности, так и верующие, [пока] не пройдет опасность для Церкви, должны возбуждать в своих пастырях дух ревности,

свернуть с неправого пути. Если эти протесты не возымут действия, тогда они, согласясь между собой (можно и через посредство переписки), сообщают м. Сергию, что они отселе не считают его уже Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, осуждают взятое им церковное направление и отделяются от него. То же объявляется и всем верующим. Съ этого момента совесть духовенства и верующих становится свободной от всякого рода действий (приказаний, запрещений) м. Сергия и состоящего при нем “синода”. Отошедшая же от м. Сергия Православная Церковь может управляться одним из старейших иерархов или, как это было во время заключения патриарха ТИХОНА, каждая епархия самостоятельно своим архіереємъ.

– Какую же роль во всем этом нести должны священники и верующий народ? – Судить и запрещать архипастырей они не могут; не могут они также без епископов отходить от епископата. Но это не значит, что они должны бездействовать. Как воины совместно с вождем, так и они, вместе с епископами должны бороться за Истину и защищать ее. Как разведчики на войне не дают покоя своим начальникам, но приходя с различных мест разведки сообщают им об опасности, так и верующие, пока не пройдет опасность для Церкви, должны возбуждать в своих пастырях дух ревности, бодрствования и стойкости и всячески (духовно и материально) поддерживать их,

бодрствования и стойкости и всячески (духовно и материально) поддерживать их, дабы те безболезненно и право правили слово истины. Молитесь же горячо за своих архипастырей и пастырей, возьмите на себя заботы об их семьях, дабы пастырь видел, что его семья не будет нищенствовать без него, и тогда смело, с любовью, а когда потребуется и с настойчивостью, сообщайте ему мнения и суждения верующих по разным вопросам церковной жизни. Опираясь на ревность и любовь своей паствы и побуждаемый ею, пастырь будет истинным отражением православия. А это – залог правого пути Церкви.

Есть еще и другой, менее болезненный, путь. Т.к. м. Сергей не есть патриарший Местоблюститель, а только заместитель Патриаршего Местоблюстителя м. Петра Крутицкого, и это заместительство он несет, как послушание нынешнему Главе Российской Церкви м. Петру, то для каждого ясно, что м. Петр, когда угодно, может освободить м. Сергия от сего послушания и возложить оное на другого архипастыря. Точно так же сами собою падают все права и обязанности м. Сергия, как Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, в случае смерти м. Петра.

Вот те мысли, которыми считаю нужным поделиться с вами, моля Господа о Вашем умудрении и укреплении. Передайте мой привет и благословение Божие всем близким.

Е. А.

дабы тѣ безболѣзненно и право правили слово Истины. Молитесь же горячо за своихъ архипастырей и пастырей, возьмите на себя заботы объ ихъ семьяхъ, дабы пастыри видѣли, что ихъ семьи не будутъ нищенствовать безъ нихъ, и тогда смѣло, съ любовью, а когда потребуется, то и съ настойчивостью, сообщайте имъ мнѣнія и сужденія вѣрующихъ по разнымъ вопросамъ церковной жизни. Опираясь на ревность и любовь своей паствы и понуждаемый ею, пастырь будетъ истиннымъ стражемъ православія. А это залогъ праваго пути Церковнаго.

- Есть еще и другой менѣе болѣзненный путь. Такъ какъ митр. Сергій не есть Патріаршій Мѣстоблюститель, а только Замѣститель Патріаршаго Мѣстоблюстителя Митрополита Петра Крутицкаго и что замѣстительство онъ несетъ, какъ послушаніе нынѣшнему главѣ Россійской Церкви Митрополиту ПЕТРУ, то для каждаго ясно, что митрополитъ ПЕТРЪ, когда угодно, можетъ освободить митрополита Сергія отъ сего послушанія и возложить оное на другого архипастыря. Точно также сами собою падаютъ все права и обязанности митрополита Сергія, какъ Замѣстителя Патріаршаго Мѣстоблюстителя въ случаѣ смерти митрополита ПЕТРА.

Вотъ тѣ мысли, которыми считаю нужнымъ подѣлиться съ вами, моля Господа о Вашемъ умудреніи и укрѣпленіи. Благословеніе Божіе буди со всѣми вами, братіе. Аминь.

Аркадій Епископъ Лубенскій.

¹ Под таким заголовком письмо опубликовано в сборнике “Дело Митрополита Сергия (Документы к церковным событиям 1927-1928 гг.). Китеж. 1929 г.”.

Предыдущее письмо, названное составителями: “95. Письмо изгнанников с Ангары. (Весна 1928 года)” (л. 134-135 об.), написано сосланным в Сибирь на реку Ангару архимандритом Неофитом (Осиповым) священнику Николаю Николаевичу Дулову (см. Александр Мазырин, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х – 1930-х годах – М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. Стр. 106-107).

Происходящие в жизни Русской Церкви события после подписания Митрополитом Сергием и членами Временного при нём Патриаршего Священного Синода декларации 1927 г., породили массу откликов, как критиковавших, так и защищавших действия Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. В церковной среде копии этих документов переписывались вручную, печатались на машинке и распространялись с целью привлечения единомышленников, информирования и убеждения определённого круга лиц в своей правоте, то есть играли роль отсутствовавших церковных печатных изданий. В 1929 году Михаилом Александровичем Новосёловым († 1938, мученик, память 8/21 января) был составлен сборник таких документов, отредактированный (именно он давал название документам, помещённым в сборник) протоиереем Феодором Андреевым. В 1930 г. Михаил Михайлович Брендстед перевёз экземпляр сборника вместе с прочими документами дипломатической вализой из Москвы в Париж Николаю Александровичу Бердяеву. Н. А. Бердяевым этот сборник был передан Управляющему русскими западноевропейскими приходами Митрополиту Евлогию (Георгиевскому), который в свою очередь вместе с некоторыми другими документами в 1940 г. передал его на постоянное хранение в Русский зарубежный исторический архив в Праге (РЗИА). Этот экземпляр ныне хранится в ГА РФ в фонде Р-5991 (“Митрополит Евлогий (Георгиевский)”). На его титульном листе значится: “Дело Митрополита Сергия: Документы к церковным событиям 1917-1928 гг.”, внизу титульного листа – выходные данные: “Китеж, 1929 год”.

Слово “Китеж” взято из легенды о древнем граде Китеже, который пытались захватить монголо-татары, но Господь сохранил его, переместив на дно озера, откуда, по поверью, и в наши дни доносится колокольный звон. Сохранение православия в эмиграции, по образному выражению, тот же град Китеж.

Кроме экземпляра сборника в ГА РФ (В Синодальном архиве РПЦЗ [Нью-Йорк, США] и в Архиве Джорданвилльской духовной семинарии имеются неполные комплекты сборника, по-видимому, перепечатанные с экземпляра Митрополита Евлогия) существует ещё один экземпляр сборника без названия и указания условного места издания. Он хранился в тайных общинах ИПЦ, а в 1946 г. был изъят при обыске и присоединён к следственному делу. Этот экземпляр является точным повторением первого, будучи второй машинописной закладкой одной и той же перепечатки.

Сборник включает 124 документа и имеет 452 страницы. В большинстве документов не указан автор. Перечень документов написан от руки гораздо позже, имеет рукописную правку поверх машинописи, главным образом, это перенумерация страниц, которая в обоих экземплярах сборника учтена, и некоторые включения. В названиях глав сборника отражено отрицательное отношение его составителей к мероприятиям Митрополита Сергия после выхода декларации. Исключение составляет статья Н. А. Бердяева “Вопль Русской Церкви”, вписанная от руки поверх машинописного текста М. М. Брендстедом (см. Косик О. В. Сборник “Дело Митрополита Сергия” и участие в нём мученика Михаила Новосёлова // Вестник ПСТГУ: II (История. История Русской Православной Церкви). 2009. Вып. 2 (31) Стр. 77-95 / pstgu.ru/download/1252606625.kosik.pdf).

² Письмо написано Епископом Аркадием во время его ссылки на Кавказ священнику Полтавской епархии Александру Дубинину, служившему в с. Мозолевка Кременчугского округа (см. “контекст”).

Письмо, написанное Епископом Аркадием священнику Полтавской епархии Александру Дубинину, стало реакцией на последующие события после декларации от 29 июля 1927 года Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Нижегородского Сергия и Временного при нём Патриаршего Священного Синода об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти. Корни же разногласий архиереев, обращавшихся со многими письмами-протестами к Митрополиту Сергию, крылись в различном понимании природы Церкви и смысла архиерейского служения в Ней (см. Александр Мазырин, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х – 1930-х годах. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006).

Это письмо, помимо воли самого Епископа Аркадия, стало основой для, так называемого, “Обращения к православным”, получившего широкое распространение среди верующих. Оно же явилось поводом для ареста владыки и заключения его в Соловецкий лагерь особого назначения (см. т. 1, стр. 246-249).

Из показаний Епископа Аркадия на допросе в ОГПУ 15 мая 1928 года:

«Зачитывается документ, подписанный “Аркадий, епископ Лубенский”, начинающийся словами: “Обращение к православным. Возлюбленные о Христе. Так как я не имею возможности лично беседовать с Вами, то доставляю себе удовольствие это настоящим письмом” и т.д.

Вопрос: Каким епископом Вы считаетесь?

Ответ: Лубенским.

Вопрос: Зачитанное Вам послание составлено Вами?

Ответ: Это, во-первых, первоначально было частное, а не общественного характера письмо, принадлежащее действительно мне. Писано было мною в Новом Афоне в ответ на письмо священника, поддерживавшего меня материально. Письмо мое ему (ответное) начиналось словами: “Дорогой отец Александр”, за каковым обращением следовало поздравление с Ангелом. Кончалось письмо передачей поклона жене и детям. Остальной текст тождественен, насколько я помню. В предъявленном мне документе откинута начало и конец, заменённые так, как видно в показанном мне документе. Никакого поручения превратить моё частное письмо в “обращение” общественного характера я никому не давал. Сделано это без моего ведома.

Вопрос: Как фамилия этого священника Александра?

Ответ: Назвать её не могу.

Вопрос: Почему?

Ответ: Не желаю, чтоб он отвечал. Пусть вся ответственность лежит на мне.

Вопрос: Вы согласны с тем, что в Вашем этом письме есть места непосредственно антисоветского характера?

Ответ: Согласен.

Вопрос: Значит, отказываясь назвать фамилию распространителя (притом самовольно распространявшего документ), вы хотите укрывать антисоветского деятеля?

Ответ: Не хочу выдать и не хочу укрывать; предоставляю этот вопрос времени...» (ЦА ФСБ. Д. Р-29741, л. 7-7 об.).

Хотя Митрополит Мануил (Лемешевский) писал о Епископе Аркадии: «Состоял в тайной оппозиции Митрополиту Сергию, придерживаясь взглядов так называем[ой] “мечёвской” группировки³, но заметно себя не проявлял» (Мануил

³ “Мечёвская группировка” – названная по имени настоятеля церкви святителя Николая в Клённиках на Маросейке в Москве протоиерея Сергия Алексеевича Мечёва (†1942, сщмч., память 24 декабря / 6 января) – группа духовенства, которая, сохраняя каноническую зависимость от Митрополита Сергия, тем не менее, не принимала тех распоряжений от него, которые смущали их совесть. Кроме Епископа Аркадия к этой группировке Митрополит Мануил относит Архиепископа Тамбовского Зиновия (Дроздова) и Епископов Арсения (Жадановского), Серафима (Звездинского) и Афанасия (Сахарова).

(Лемешевский), Митрополит, сост. “Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы (включительно)”. Куйбышев, 1966. Ч. 1, стр. 349), но некоторыми историками Церкви вышеприведённое письмо рассматривается как идейная основа, так называемого, “иосифлянского движения”⁴. Уже ученик и последователь владыки Мануила Митрополит Иоанн (Снычёв)⁵, в своём труде “Стояние в вере. Очерки церковной смуты” (С-Пг.:1995), разбирая это письмо как письмо неизвестного епископа и цитируя фрагмент письма, начиная со слов: “...*На церковный раскол с душевной болью можно идти только тогда, когда испробованы уже все иные пути и средства спасения верующих*” и оканчивая словами: “*Как разведчики на войне не дают покоя своим начальникам, но, приходя с различных мест разведки, сообщают им об опасности, так и верующие, пока не пройдёт опасность для Церкви, должны возбуждать в своих пастырях дух ревности, бодрствования и стойкости и всячески (духовно и морально) поддерживать их, дабы те безболезненно и право правили слово Истины*”, приходит к выводу, что “письмо-совет этого епископа настолько соответствует ходу действий ленинградских викариев и духовенства, что не оставляет сомнений в непосредственном влиянии на последних”.

Аналогичной точки зрения придерживается и преподаватель новейшей истории Русской Православной Церкви на курсах усовершенствования законоучителей при отделе религиозного образования и катехизации Московского Патриархата Вера Михайловна Ерёмкина (её лекции, прочитанные в Российском Православном Университете имени святого апостола Иоанна Богослова, тиражируются в формате МР-3 и продаются в церковных лавках). В разделе “Исповеднический подвиг Митрополита Сергия” есть 31-ая лекция, тема которой: “Общая характеристика т. н. “иосифлянского” раскола. Руководство явное и руководство подпольное. Письмо-инструкция из архива Митрополита Мануила (Лемешевского)”.

В этой лекции Вера Ерёмкина говорит, что назначение Иосифа (Петровых) Митрополитом Ленинградским и Гдовским Митрополит Сергей сделал по требованию питерских религиозно-общественных сил, которые “искали себе номинального возглавителя, искали, кто окажется податлив, чтобы получить вывеску. А на самом деле они имели тайных руководителей, но таких, которые имён своих не объявляли”. Не зная ни автора, ни обстоятельств появления письма Епископа Аркадия,

⁴ “Иосифлянское движение” или ИПЦ – движение, названное именем Митрополита Иосифа (Петровых), состоящее из ряда иерархов, духовенства и мирян Русской Православной Церкви, отошедших от Митрополита Сергия и прервавших с ним всякое общение, и объявивших себя подчинёнными Митрополиту Петру. Фактически окормляли свою паству самостоятельно, вскоре уйдя в катакомбы. Поводом для возникновения движения стало перемещение осенью 1927 года Митрополита Иосифа (Петровых) из Ленинградской кафедры в Одессу. “Иосифлянам” удалось довольно быстро – к лету 1928 года – распространить своё влияние за пределы Ленинградской области – в Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Вологодскую, Великоустюжскую, Архангельскую и Витебскую епархии. В Московской епархии движение охватило города Коломну, Волоколамск, Клин, Загорск, Звенигород, но признанным центром стал Серпухов. Семь храмов находились в разделении в Москве. На Украине наибольших успехов иосифляне добились в Киевском (г. Ирпень), Харьковском, Сумском и Полтавском округах. Десятки приходов существовали в Центрально-Чернозёмной области, на юге России и на Северном Кавказе. Отдельные приходы присоединились к иосифлянам на Урале, в Татарии, Башкирии, Казахстане, в городах Красноярске, Перми, Енисейске, Арамасе, Смоленске.

⁵ От архимандрита Иоанна (Снычёва) фрагмент письма попал к Михаилу Губонину, включившего его в “Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943”. Озаглавлено оно так: *Послание “одного епископа” по вопросу о законности причин, допускающих молитвенно-канонический разрыв с высшей церковной властью* (“Акты...” М.:1994, стр. 554-555).

она считает его инструкцией “тайного руководителя”, управлявшего деятельностью Епископов Димитрия (Любимова), Сергия (Дружинина) и протоиереев Феодора Андреева и Василия Верюжского.

Разбирая фрагмент письма Епископа Аркадия, приведённый в работе Митрополита Иоанна (Снычёва), Вера Ерёмкина, называя его “одним из характернейших тайных прокламаций”, комментирует его так:

«А сейчас я должна отметить ещё одну очень важную черту вот таких руководителей. Она хорошо выражается пушкинской строкой: “Все предрассудки истребя, мы почитаем всех нулями, а единицами себя. Мы все глядим в наполеоны”.

Так вот: “мы почитаем всех нулями, а единицами себя”. Вы посмотрите, что пишет этот тайный руководитель:

Епископы, видя нарушение духа и буквы канона, в одиночку или группами должны послать свои протесты Митрополиту Сергию, моля его свернуть с неправого пути.

Позвольте, “духа и буквы канона”. Для такого блестящего канониста, как Митрополит Сергий, да это им год готовиться надо, чтобы мочь хотя бы диалог с ним вести. И уж тем более люди, которые получали эти прокламации, они, между прочим, канонов не знали и никогда туда не заглядывали, но верили на слово <...>

Если эти протесты, – продолжает он далее, – не возьмут действия, тогда они [т.е. епископы], согласясь между собою (можно и через посредство переписки), общаются Митрополиту Сергию, что они отселе не считают его уже Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, осуждают взятое им церковное направление и отделяются от него.

Здесь не произносится и не фигурирует слово “раскол”. Мы сейчас наблюдаем, что это слово склоняется и вкривь и вкось. Также как и слово “соборный”. Как правило, люди, которые произносят эти слова, очень с трудом представляют себе, какое же содержание они туда вкладывают. Так вот, расколом называется восхищение одним или многими членами Церкви права церковного суда, им не принадлежащего. Вот именно расколу учит этот расколучитель. Значит, “согласясь между собой”... Простите, а кто им вручал, так сказать, ключи от канонического суда. Разговор прекращается... Расколом называется восхищение одним или группой членов Церкви права им не принадлежащего – права церковного суда.

То же объявляется и всем верующим. С этого времени совесть духовенства и верующих становится свободной от всякого рода действий (приказаний, запрещений) Митрополита Сергия и состоящего при нём “Синода”.

Следовательно, рассчитывают на то, что у духовенства и верующих своей головы нет, а что это “панургово стадо”, которое тихо топает за своим вожаком.

И, наконец, *Отшедшая же от Митрополита Сергия Православная Церковь [т.е. не раскол] может управляться одним из старейших иерархов [если такового найдут], или, как это было во время заключения Патриарха Тихона, каждая епархия – самостоятельно своим архиереем.*

Т.е. этот тайный возглавитель рассчитывает, что анархия охватит всю Православную Церковь. Любопытно, но так.

Какую же роль во всём этом нести должны священники и верующий народ? Судить и запрещать архипастырей они не могут; не могут они также без епископов отходить от епископа.

Это значит, что человек чуть-чуть, но заглядывал в церковно-каноническое право. Там, действительно, 11-е правило Карфагенского собора говорит о том, что если пресвитер (иерей) нарушает послушание своему епископу, то он оказывается под клятвой, т.е. анафемой. Очень любопытно в таком случае, существуют же другие канонические правила, которые, например, воспрепятствуют переходить под власть другого епископа без отпускной грамоты от предыдущего. И тот и другой епископ не имеет права такого бесчинника принимать. И, в любом случае, как раз высшая церковная инстанция должна выслушать жалобу того пресвитера. Т.е. опять таки, рассчитано на невежд. Это называется: “мы почитаем всех нулями, а единицами себя”.

Но это не значит, – продолжает, – что они должны бездействовать. Как воины совместно с вождем, так и они, совместно с епископами, должны бороться за истину и защищать её. Как разведчики на войне не дают покоя своим начальникам, но, приходя с различных мест разведки, сообщают им об опасности, так и верующие, пока не пройдёт опасность для Церкви, должны возбуждать в своих пастырях дух ревности, бодрствования и стойкости и всячески (духовно и морально) поддерживать их, дабы те безболезненно и правоправили слово Истины.

Ничего себе, т.е. другими словами науськивать и поддерживать вот эту внутри-церковную атмосферу на уровне накала. Вот именно этим и занимались.

Таким образом, мы видим, что, конечно же, не Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин), и даже не протоиерей Верюжский – настоящие зачинщики всего этого безобразия. Имен настоящих зачинщиков мы не знаем до сих пор. Не знал и Митрополит Мануил, в чьём архиве фигурирует этот приведённый документ. Он у него только под номером 51-м».

Тезисы Веры Ерёминой в данном случае основаны исключительно на её собственных предположениях. В действительности, Епископ Аркадий никогда не состоял руководителем “иосифлянских” епископов, и даже не поддерживал с ними никаких отношений. Образ действий Епископа Аркадия совсем другой. В отличие от “иосифлян”, он никогда не отделялся от Митрополита Сергия и в письме пишет: *“Итак, мы ни в коем случае не можем чинить раскола”*. Хотя тот же Митрополит Иоанн (Снычёв) в отмеченном нами труде называет Епископа Аркадия, среди прочих, “тайным разлагателем церковного единства”, он не приводит никаких фактов в подтверждение этих обвинений.

В то же время нам хорошо известно, что, во-первых, участие Митрополита Сергия в хиротонии архимандрита Аркадия (Остальского) во епископа отложило свой отпечаток на отношение к нему Епископа Аркадия. Во-вторых, в конце апреля – начале мая 1928 года, перед явкой в ОГПУ, Епископ Аркадий посетил в Москве Митрополита Сергия, с которым советовался, как ему быть (правда, совету Митрополита Сергия продолжать скитальческую жизнь всё-таки не внял) (см. воспоминания Епископа Леонтия (Филипповича) в “контексте” к документу № 72). В-третьих, в Соловецких лагерях особого назначения Епископ Аркадий поддерживал отношения только с архиереями и священниками, состоящими в каноническом общении с Митрополитом Сергием, о чём сам он свидетельствовал (см. документ № 73). И, наконец, отбыв заключение, в мае 1937 года он лично перед Митрополитом Сергием ходатайствует о награждении протоиерея Михаила Дмитрева митрой (см. документ № 74), скорее всего тогда же он получил назначение в Калининскую (ныне – Тверскую) епархию – викарным Епископом Бежецким.

Совершенно очевидно, что при всём своём критическом отношении к последовавшим после декларации 1927 года шагам Митрополита Сергия и Временного Патриаршего Синода, Епископ Аркадий никогда не выходил из канонического общения и ни в каких расколах – тайных и явных – не участвовал.

И всё-таки, каким же образом письмо Епископа Аркадия попало к “иосифлянам”? Ответ на этот вопрос даёт групповое “дело ИПЦ”.

12 марта 1931 года копии двух писем Епископа Аркадия были обнаружены Полтавским оперативным сектором ГПУ УССР при обыске, среди бумаг, закопанных в землю в погребке квартиры Ольги Ивановны Лекторской в г. Полтаве. Под седьмым номером в описи было указано: “Копия 2 писем Еп. Аркадия Лубенск[ого] по поводу Сергиев[ской] декларации” на трёх полулистах (ЦГАОО Украины. Ф. 263, оп. 1, д. 65744 фп, т. 15, л. 94^а). Сами письма в деле отсутствуют, так как “часть переписки частично сгнила и от долговременного нахождения в земле, будучи подмоченной, затруднительна для прочтения” (Там же). Одним из этих двух писем и было приведённое письмо на имя священника Александра Дубинина, о чём имеются сведения в деле в виде приведённых нами ниже показаний Михаила Котляревского (он называет этого священника Александром Дубиной).

Из ряда показаний по этому делу видно, что в Харькове, во время вынужденного проживания там Епископа Аркадия, сложился своего рода “кружок”, который объединял, проживающих на той же квартире, Епископа Максима (Руберовского) и протоиереев Григория Селецкого и Николая Пискановского. К ним из Полтавы периодически приезжали репетитор дочери Пискановского – студент Михаил Котляревский и дочь священника Ольга Лекторская. С ними же был связан священник Александр Дубинин. Михаил Котляревский и Ольга Лекторская по поручению протоиерея Николая Пискановского и иерея Александра Дубинина занимались размножением и распространением среди верующих различных церковных документов. Именно протоиерей Григорий Селецкий и Ольга Лекторская позже несколько раз ездили в Ленинград, где встречались с Епископом Димитрием (Любимовым).

Из показаний Михаила Михайловича Котляревского, арестованного по групповому “делу ИПЦ” в 1931 году:

«Предъявленный мне документ, воззвание, изложенное в письменной форме, автором которого является Еп[ископ] Аркадий (Лубенский). Указанный документ мною получен от св[ященника] Пискановского Николая и мною, под копирку, он был размножен, в сколько экземпляров я его размножил, не помню. Несмотря на то, что в указанном документе трактуется вопрос взаимоотношения церкви и государства, т.е. гражданской власти, существующей в данный момент, а также затрагиваются и органы Госполитуправления – “СОЧИ” (секретно оперативной части), я всё же считаю этот документ не контрреволюционным, а “чисто церковным” документом, а также не признаю его и за церковно-политический документ. Такого же характера документов мною было получено от св[ященника] Пискановского от двух десятков до трёх, а также и от св[ященника] Дубины Александра около десяти, подобных вышеуказанным, документов. Как от Пискановского, так и от св[ященника] Дубины [документы] были мною получены преимущественно лично с рук вышеуказанных священников, но меньшую часть из них я получил и по почте. От Пискановского указанные документы я получал здесь, в г. Полтаве, когда он ещё жил здесь в 1927 г., а у последнего я бывал на квартире. Со ссылкой Пискановского в Харьков я с ним связи не прекращал и все документы получал через его жену Клавдию Петровну Пискановскую, которая ездила в Харьков и привозила их в Полтаву. С высылкой же Пискановского в г. Воронеж мною от него было получено несколько подобных документов. От св[ященника] Дубины Александра я получал [документы] путём своих личных поездок в с. Мозолеевку быв[шего] Кременчугского окр[уга], где в то время жил Дубина, таких поездок у меня было около двух, точно не помню, а также он, Дубина, мне сам привозил, когда приезжал в г. Полтаву, последний приезд его в Полтаву был в 1928 г., и часть пересылал почтой. Преимущественно большинство этих документов были мною размножены и распространены. Размножал я их лишь рукописью под копирку по заданию Пискановских, <...> и последним размноженные документы возвращал. Некоторые из этих документов я размножал по несколько раз, дабы увеличить число экземпляров более важных документов. Точно не могу сказать, сколько было мною размножено и в скольких экземплярах, но всего, приблизительно, моей рукой было написано от полторы сотни (150) до двухсот (200) экземпляров. Все вышеуказанные экземпляры документов мною сдавались Пискановским, а некоторые из них, по просьбе Дубины, я пересылал последнему. Больше ни от кого документов не получал и никому не передавал.

Из размножаемых мною документов преимущественно были “критики” и “разъяснения” на церковные расколы, как-то Лубенский раскол, ВЦС, по критике декларации Митрополита Сергия. По первому и второму расколам я размножал также и Митроп[олиту] Сергию и ответы на них, из каких я помню три письма Еп[ископа] Григория (Екатеринбургского) и ответ на них Митроп[олита] Сергия. После этих трёх писем я размножил запрещение ВЦС и отлучение от церкви. По Лубенскому расколу основная часть материалов, направленная против этого раскола, были документы Еп[ископа] Зеленцова Василия, которые я размножил

полностью и по несколько раз каждый. По вопросу декларации Митроп[олита] Сергия мне также приходилось размножить ряд документов, но названий [они] не имели, авторов также на них не было указано, сколько я их размножил – не помню. По этому же вопросу лично я изложил мысли Еп[ископа] Григория (Полтавского), которые также размножил в 4 или 5 экземплярах, из которых часть переслал Дубине, а остальные отдал Пискановскому через его жену.

[Далее написано собственноручно Михаилом Котляревским – *сост.*] Вношу поправку, что письмо Еп. Аркадия, где есть упоминания об органах гражданской власти, я признаю чисто церковным документом, ибо здесь затрагиваются вопросы о внешней стороне церковной жизни в области взаимоотношений Церкви и гражданской власти. Вообще, предъявленное мне обвинение в контрреволюционной деятельности, антисоветской агитации и, вообще, “политиканстве” – не признаю, ибо интересовался исключительно церковно-религиозной жизнью в ее внутреннем и внешнем проявлении, – в чём и расписываюсь. Михаил Котляревский. Допросил Упол[номоченный] СПО Компаниец» (ЦГАОО Украины. Ф. 263, оп. 1, д. 65744 фп, т. 15, л. 144-145).

Кроме того, Михаил Котляревский дал следующие письменные показания:

«...В 1925 г., будучи репетитором дочери о. Николая Пискановского, познакомился с ним. После его ареста и, потом, жительства в Харькове, продолжал бывать в его семье, продолжая занятия с его дочерью. Здесь познакомился, между прочим, и с Еп. Аркадием, который приезжал в Полтаву. <...>

Со священником о. Александром Дубиной познакомился в 1924 г. в Мозолеевке Кременчугского округа, где я в то время проживал у моего дяди священника. Каждый год я на лето ездил туда на отдых, беседовал с о. Александром Дубиной, причём беседы наши носили церковно-религиозный характер. Два или три раза он, приезжая в Полтаву, бывал у меня. Бывая у него, я знакомился с различными бумагами, носящими исключительно религиозно-церковный характер. Привозил он и с собой различные сведения из интересующей меня церковной жизни.

Подобные же бумажки он присылал в письмах на мое имя, что, впрочем, бывало нечасто. После его ареста в 1928 г. я с ним в переписке не состоял и не состою в настоящее время.

Главным же источником новостей из интересующей меня жизни церкви – был дом о. Николая Пискановского, а после его высылки в Харьков, а потом в Воронеж – его жена, Клавдия Петровна. После отъезда с семьёй к мужу в Воронеж, я некоторое время состоял с ней в переписке, но с июля она перестала отвечать мне и переписка с нею прекратилась.

В доме же Пискановских я встречал иногда дочь нашего приходского священника Ольгу Ивановну Лекторскую, которая, впрочем, смотрела на меня с некоторым недоверием...

<...> 11/V 1931 г. М. Котляревский» (ЦГАОО Украины. Ф. 263, оп. 1, д. 65744 фп, т. 15, л. 146-146 об., 148).

Также интересна позиция по отношению к декларации Митрополита Сергия Житомирского Свято-Николаевского братства, с которым, даже находясь в Соловецких лагерях особого назначения, Епископ Аркадий поддерживал связь. Вот выписка из “Заключительного постановления по делу № 892 по обвинению по ст. 54-10, 54-11 УК УССР гр-н КРАСИЦКОГО и других” от 6 октября 1931 года:

«<...> В конце 1930 года Сектором были получены агентурные данные о том, что в гор. Житомире существует нелегальное, так называемое “свято-николаевское братство”, руководимое священником КРАСИЦКИМ, при ближайшем участии обвиняемых по сему делу ЯЩИНСКОЙ (монашка), АВХУКОВОЙ, ФРОЛОВА, священников ГАВРИЛЮКА, СЕРОВА и НИКОЛАЕВА (см. аг[ентурные] дела № № 3, 5, 17).

В процессе проверки и разработки этих данных выявилось, что это братство было организовано ещё в 1918 г. высланным впоследствии за контрреволюционную деятельность епископом Аркадием ОСТАЛЬСКИМ, являющимся в свое время ближайшим помощником епископа Антония ХРАПОВИЦКОГО [данное

утверждение сделано для придания большей весомости обвинению – **сост.**], ныне находящегося в белой эмиграции.

<...> После высылки **ОСТАЛЬСКОГО** и прекращения легального существования братства – “свято-николаевское” религиозное братство в 1927 году перешло на нелегальное положение, причём в деятельности его и задачах явились новые элементы: связь с сосланным духовенством, материальная и моральная поддержка его и вовлечение в ряды братства крестьян близлежащих сёл (см. л. д. 47), которые собирались руководителями братства на квартирах для трапез, сбора пожертвований сосланному духовенству и проч. (см. л. д. 47 и аг[ентурное] дел[о] № 30).

Приемником **ОСТАЛЬСКОГО** становится **КРАСИЦКИЙ**, который является действительным руководителем и вдохновителем братства, работая за спиной фиктивной председательницы правления братства Наталии Ивановны **ОРЖЕВСКОЙ**, бывш[ей] княжны и фрейлины императорского двора.

В процессе дальнейшей разработки и следствия было установлено, что данная группа обвиняемых во главе с **КРАСИЦКИМ** Юлианом являлась руководительницей так называемого “свято-николаевского братства”, стремилась объединить вокруг себя наиболее реакционный элемент, как из духовенства, так и из мирян, с целью противодействия всяким лояльным по отношению к Советской Власти течениям (см. л. д. 54, 57, 58). Так, с момента появления декларации митрополита Сергия Нижегородского, а затем декларации бывш[его] экзарха Украины Михаила **ЕРМАКОВА**, **КРАСИЦКИЙ** и его единомышленники, в лице обвиняемых по сему делу **ГАВРИЛЮКА**, **СЕРОВА**, **НИКОЛАЕВА**, **АВХУКОВОЙ** и **ЯЩИНСКОЙ** не признали этих деклараций законными с точки зрения “канонической” и во время богослужений поминали только Петра **КРУТИЦКОГО** и Аркадия **ОСТАЛЬСКОГО**.

На предложение епархиального управления помянуть только экзарха Михаила, а после его смерти патриаршего экзарха Константина, являющегося одновременно управляющим Волынской епархией, **КРАСИЦКИЙ**, **ГАВРИЛЮК**, **СЕРОВ** и **НИКОЛАЕВ** заявили, что они не согласны с декларациями, считая их делом рук “живистов”. Особым успехом группа, так называемых, ультра-православных, в лице обвиняемых по сему делу **КРАСИЦКОГО**, **ГАВРИЛЮКА** и др., среди верующей массы не пользовались, т.к. задолго до их ареста руководители церковных общин при поддержке ЕУ отказали в служении в своих церквях.

Таким образом, в лице обвиняемых по сему делу **КРАСИЦКОГО** Ю., **ГАВРИЛЮКА**, **СЕРОВА**, **НИКОЛАЕВА**, **ЯЩИНСКОЙ**, **АВХУКОВОЙ** и **ФРОЛОВА** в гор. Житомире образовалась так называемая “ультро-православная” группировка, которая через посредство своего братства проводила работу против всяких лояльных по отношению к Соввласти начинаний в церкви.

На основании вышеизложенного священники **КРАСИЦКИЙ** Ю. П., **СЕРОВ** И. А., **ГАВРИЛЮК** А. В., **НИКОЛАЕВ** И. А., монашка **ЯЩИНСКАЯ** Х. Н. и миряне **АВХУКОВА** Н. П. и **ФРОЛОВ** П. М., как наиболее активные и реакционные в своих действиях, были арестованы и привлечены к ответственности по ст. ст. 54-10 и 54-11 УК УССР; привлечённые к следствию обвиняемые по сему делу в предъявленном им обвинении виновными себя не признали.

<...> Обвиняемый **КРАСИЦКИЙ** показал, что братство действительно продолжало свое существование в такой же форме, как при Аркадии **ОСТАЛЬСКОМ**, т.е. занималось сбором воспомоществования в пользу несостоятельных лиц из духовенства и мирян, что он, как священник, от этого братства получал систематическое вознаграждение в размере 40 рублей, каковые деньги он получал от бывш[ей] княгини **ОРЖЕВСКОЙ**, якобы через **ЯЩИНСКУЮ** Хионию – тоже арестованную. Кроме того, это братство собирало пожертвования в пользу высланных за контрреволюционную деятельность епископов Аркадия **ОСТАЛЬСКОГО**, Леонтия и Аверкия (см. л. д. 34, 35).

Теми же показаниями устанавливается, что обвиняемый **КРАСИЦКИЙ** принадлежит к группе духовенства не признающего патриаршего экзарха в связи

с декларацией о своей лояльности к Советской Власти. Обвиняемый КРАСИЦКИЙ показал, что совет бывш[ей] монастырской [Богоявленской – **сост.**] церкви, в лице его председателя, запретили ему (КРАСИЦКОМУ) служить в церкви ввиду того, что он, не поминая экзарха Украины, продолжает помянуть Петра КРУТИЦКОГО и ОСТАЛЬСКОГО.

<...> ЯЩИНСКАЯ показала, что она в братстве состоит с 1926 года [в действительности с 1919 года, а казначеем с 1926 года – **сост.**], что это братство содержало двух священников (КРАСИЦКОГО и СЕРОВА) на жаловании, что собирала пожертвования для помощи находящимся в ссылке епископам Аркадию ОСТАЛЬСКОМУ, Аверкию, что часто группа в лице всех обвиняемых по сему делу собиралась для обсуждения своих дел и что в нелегальной форме эта деятельность продолжалась с 1927 года до момента ареста руководителей братства (см. л. д. 46).

<...> Путём опросов свидетелей установлено, что обвиняемые по сему делу КРАСИЦКИЙ, СЕРОВ, ЯЩИНСКАЯ, ГАВРИЛЮК, НИКОЛАЕВ, ФРОЛОВ и АВХУКОВА действительно являются руководителями, так называемого, “свято-николаевского братства”, ставящего перед собой цель – группировку местной интеллигенции, не признающей Соввласть (см. л. д. 54, 58), что с момента опубликования декларации Сергия, обвиняемые во главе со священниками КРАСИЦКИМ, СЕРОВЫМ, ГАВРИЛЮКОМ и НИКОЛАЕВЫМ отказались подчиниться распоряжению епархиального управления и остались верными своим реакционным взглядам и что на этой почве между обвиняемыми и епархиальным управлением возникли споры, дошедшие до лишения служения в церкви (см. л. д. 54, 56, 58).

Усматривая в вышеизложенном достаточно данных для признания обвиняемых по сему делу КРАСИЦКОГО, СЕРОВА, ГАВРИЛЮКА, НИКОЛАЕВА, ЯЩИНСКОЙ, АВХУКОВОЙ, ФРОЛОВА социально опасными, способствующими созданию групп с определёнными контрреволюционными намерениями, принимая во внимание, что дальнейшее пребывание их на территории УССР может способствовать разложению известной части населения,

ПОСТАНОВИЛ:

Обвиняемых КРАСИЦКОГО, ГАВРИЛЮКА, СЕРОВА, НИКОЛАЕВА, ФРОЛОВА, ЯЩИНСКУЮ, АВХУКОВУ признать социально опасным элементом и на основании постановления ЦК СССР от 24/III-24 г., объявленного в приказе ГПУ УССР за № 172, возбудить ходатайство перед Особым Совещанием при Коллегии ГПУ УССР об админвысылке из пределов УССР на Север, сроком НА ПЯТЬ ЛЕТ каждого» (ГАЖО. Ф. Р-5013, д. 13489-п, л. 77-83).

Но Особое совещание при Коллегии ГПУ УССР 13 ноября 1931 года постановило: Протоиереев Юлиана Красицкого, Иоанна Серова, Александра Гаврилюка и Илью Николаева “выслать через ПП ОГПУ в Северный край сроком на ТРИ года каждого, считая срок с 17/III-31 г. К месту ссылки направить этапом”. Монахиню Анастасию (Ящинскую) “из-под стражи ОСВОБОДИТЬ, воспретив проживание на Украине, в погранполосе, Московской, Ленинградской областях и СКК, сроком на ТРИ года, считая срок с 17/III-31 г. ФРОЛОВА Петра Михайловича, АВХУКОВУ Неонилу Павловну – из-под стражи ОСВОБОДИТЬ. Дело в отношении её прекратить. Дело сдать в архив” (Там же, л. 84).

Документ № 72

Оригинал документа, заполненная Епископом Аркадием анкета арестованного, находится в ЦА ФСБ. Д. Р-29741, л. 6-6 об.